

Въ высшей степени вѣрно и мѣтко сравненіе Гюго, какъ драматурга, съ Корнелемъ — сравненіе, бросающее отраженный свѣтъ на весь французскій романтизмъ. «Въ французскомъ народномъ характерѣ есть жила сомнѣнія и насмѣшки, линія Монтань-Ренье-Лафонтенъ; есть жила чистокровно-галльская, линія Рабле-Дидро-Бальзакъ; есть, наконецъ, жила героизма и энтузіазма, общая Корнелю и Гюго. Въ обоихъ есть нѣчто испанское или общелатинское; въ «Эрнани», какъ и въ «Сидѣ», испанскій сюжетъ обработанъ въ испанскомъ духѣ. Культъ чести, проповѣдуемый и тамъ, и здѣсь, напоминаетъ Кальдерона. Обѣ драмы — школы для героевъ. Корнель изображаетъ не человѣческую жизнь въ ея всесторонности, а исключительно геройскія черты человѣческой натуры; онѣ преобладаютъ и у Гюго, симметрически лишь пополненныя изображеніемъ необузданной страсти». Констатировать черту сходства между Гюго и Корнелемъ, т.-е. преемственный, латинскій элементъ въ поэзіи Гюго, Брандесъ указываетъ вслѣдъ затѣмъ и точку соприкосновенія ея съ современностью, съ иноплеменными литературами: «Эрнани — это видоизмѣненный Карлъ Моръ, это романтикъ въ борьбѣ съ обществомъ, это огненный человѣкъ, отмѣченный судьбою и обреченный ею на неминуемую гибель». Нодье и Бейль (Стендаль) оба были новаторами, оба способствовали разрыву съ классицизмомъ; но первый изъ нихъ былъ «не болѣе какъ герольдъ, труба котораго будила и заставляла востепенуться, второй принадлежалъ къ числу тѣхъ улановъ, которые по одиночкѣ умѣютъ брать цѣлые города». Въ другомъ мѣстѣ Брандесъ сравниваетъ Бейля съ Ж. Зандомъ; «Ж. Занду — говорить онъ — страница всегда удастся лучше чѣмъ слово, Бейлю — слово несравненно лучше чѣмъ страница». Одна такая фраза стоить цѣлаго трактата о стилѣ писателей, стоящихъ на двухъ противоположныхъ флангахъ современнаго французскаго романа.

Поэтическая жилка въ натурѣ Брандеса легко могла сдѣлать его излишне воспримчивымъ къ красотѣ формы, завербовать его въ ряды приверженцевъ «искусства для искусства». Къ счастью для читателей, Брандесъ не только художникъ, но и публицистъ; онъ слишкомъ живо чувствуетъ силу критической, рефлектирующей мысли, чтобы отрицать или игнорировать ея значеніе въ мірѣ творчества. «Искусство, обращающееся исключительно около своей собственной оси, — говоритъ онъ въ главѣ о Теофілѣ Готье, — по необходимости становится наконецъ пустымъ и бесплоднымъ. Воодушевленіе однимъ искусствомъ создаетъ мраморную Галатею; дыханіемъ жизни можетъ оживить статую только потокъ идей,